

полной мере. Предложения германских рабочих и специалистов по рационализации производства нередко игнорировались и не внедрялись (зачастую вследствие бесхозяйственности на местах или из-за нежелания администрации что-либо менять). А на некоторых предприятиях оборудование лежало неиспользованным по несколько лет. Например, по данным отчета от 25 ноября 1934 г. на Ново-Лялинском комбинате в списке неиспользованного импортного оборудования (все немецкое) значилось десять позиций. Это были паровые котлы, насосы, контрольно-измерительная аппаратура, различные запчасти и т.д. [11].

Однако в целом, немецкие станки и машины, специалисты и рабочие принесли существенную пользу в промышленном строительстве уральским рабочим, предприятиям и стране в целом.

Примечания:

1. ОГАЧО Ф. 228, Оп. 9, Д. 5, Л. 145.
2. ЦДООСО Ф.4, Оп.8, Д.172, Л. 62.
3. ГАСО Ф. Р-272, Оп. 3, Д. 87, Л. 283, 286.
4. ЦДООСО Ф.4, Оп. 10, Д. 1009, Л. 79.
5. Ирбе К. Ж. Участие иностранных рабочих и специалистов в строительстве и освоении промышленных предприятий Урала в годы второй пятилетки (1933 – 1937 гг.) Свердловск, изд. УПИ им. С. М. Кирова, 1974. С. 14.
6. Бакунин А.В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала в годы второй пятилетки (1933 – 1937 гг.) Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство. 1968. С. 151
7. ГАСО Ф. Р272, Оп. 3, Д. 87, Л. 283, 284 об.
8. ЦДООСО Ф. 4, Оп. 8, Д. 607, Л. 130.
9. ГАСО Ф. 339р, Оп. 10, Д. 70, Л. 103 – 104, 207 – 208.
10. ГАСО Ф. 123Р, Оп. 1, Д. 1186, Л. 11.
11. ГАСО Ф. 288Р, Оп. 1, Д. 609, Л. 4 – 5.

В.М. Гафурова

Магнитогорск

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ АРЕНДА КАК ОДИН ИЗ МЕХАНИЗМОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ЧАСТНОЙ ИНИЦИАТИВОЙ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЮЖНО- УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА)

В начале 1920-х гг. начинается перевод промышленности страны на новые хозяйственные отношения, предполагающие сочетание основ централизованно-планового механизма и рыночных элементов. Наиболее болезненно этот переход осуществлялся на местах. 5 июля 1921 г. появился декрет СНК об аренде, который был оценен неоднозначно [1]. Многие чиновники на местах отрицательно относились к этой идее, считая, что государственная промышленность не выдержит конкуренции, и аренда приведет к возрождению капитализма. В этих условиях государство заявляло, что вопрос «о денационализации не ставиться» [2], а речь идет только о сдаче национализированных предприятий на определенные сроки и под определенным контролем в пользование с целью восстановить разрушенную мелкую и среднюю промышленность.

Для быстреего внедрения коммерческих начал в экономику 9 августа 1921 г. был принят указ, согласно которому с государственного снабжения снимались многие предприятия (в первую очередь, это были мелкие, убыточные и неперспективные производства), так как местные бюджеты содержать все имеющиеся производства не могли. Одним из эффективных способ поднятия местного хозяйства был переход к аренде. ЦК РКП(б) осенью 1921 г. разослал циркуляры, призывавшие «к более интенсивной работе по аренде». Для организации работы с арендаторами на

места была разослана инструкция ВСНХ, в которой четко оговаривались права и обязанности местных органов СНХ, а также примерная процедура оформления договора аренды. На основании этой инструкции разрабатывались и принимались местные нормативные документы. Так, например, Челябинский ГСНХ и Губисполком приняли обязательное постановление «О порядке заключения хозяйственными органами арендных договоров», аналогичные постановления были приняты и в других уездах Уральского региона [3].

Согласно постановлению, определялись сроки аренды: краткосрочный – до 5 лет, долгосрочный – до 12 лет. Срок аренды определялся при заключении договора. По истечении этого срока арендатору, добросовестно выполнявшему условия, предоставлялось преимущественное право при заключении договора на следующий срок. Прежде всего, льготами должны были пользоваться те арендаторы, которые производили крупный ремонт, а если предприятие было сильно разрушенным, то допускалась их передача в аренду только за один ремонт [4].

По разработанному положению в аренду сдавались преимущественно мелкие предприятия, так как они в большинстве своем были полуразрушены, требовали значительных средств для восстановления, и поэтому на тот момент особой ценности для государства не представляли и бесполезно для него могли быть переданы арендаторам.

При заключении договора оговаривался размер арендной платы и другие дополнительные условия. Размер платы зависел не столько от размера и состояния арендуемого предприятия, сколько от отрасли промышленности. Так, например, за аренду предприятий пищевой промышленности плата составляла до 30% валового продукта и выплачивалась только натурой, главным условием было то, что арендаторы должны были в первую очередь снабжать государство. По химической промышленности размер аренды составлял до 25% валового продукта и выплачивался только фабрикатами. По остальным видам промышленности плата, сообразуясь с доходностью, могла варьироваться от 5 до 25% [5].

При заключении договора аренды предполагалось, что преимущественно плата должна взиматься натурой, в виде фабрикатов, полуфабрикатов и сырья, но при этом допускалась и денежная плата. Арендатору могли быть поставлены обязательные условия выработки фабрикатов из государственного сырья. Арендаторы, вносящие плату натурой, пользовались льготами. Объяснялось это тем, что внутренний рынок нуждался в товарах народного потребления, а государство в тех условиях не могло без помощи частного обеспечить эти потребности и поэтому именно через данные пункты договора об аренде старалось стимулировать арендатора к увеличению производительности труда на своих предприятиях.

Местные хозяйственные органы должны были организовывать тщательный контроль за выполнением обязательств, принятых на себя арендаторами (взносами арендной платы, производством ремонта, выполнением производственной программы) [6], через предоставляемое им право проверки документации предприятия. Арендатор обязан был, в свою очередь, составлять подробную отчетность по предприятию и предоставлять ее для ознакомления лицам, специально уполномоченным для этого ГСНХ. Закон ограничивал вмешательство чиновников в деятельность арендованных предприятий. Данные действия рассматривались как должностное преступление [7]. Данная практика государственных органов объяснялась тем, что арендаторами на тот момент

в большинстве своем были частники, а государство было заинтересовано в повышении эффективности цензовой промышленности, поэтому старалось создать относительно приемлемые условия для частника.

Процедура заключения договора была очень сложной и длительной. Арендатор должен был составить по определенной форме заявление, которое подавалось заведующему производственным отделом УСНХ. После этого оно передавалось заведующему УСНХ и председателю УЭКОСО для вынесения заключения о важности данного предприятия для государства. Заявление могло рассматриваться не более семи дней. После вынесения заключения пакет документов возвращался арендатору для передачи в его в соответствующие губернские учреждения. ГСНХ заключал договор с арендатором и передавал пакет документов уполномоченному ГЭКОСО, который должен был вынести свое заключение по данному договору и представить его на заседание ГЭКОСО на окончательное утверждение. После утверждения договор вступал в силу. Арендные договоры и дополнительные соглашения, заключенные в нарушение указанного порядка, законной силы не имели, то есть государство четко регламентировало момент правового оформления отношений с арендатором.

Все расходы на заключение договора также возлагались на арендатора. Арендаторы обязаны были уплачивать все вводимые государством пошлины и налоги [8] и соблюдать все законоположения о труде и частной промышленности. После заключения договора арендатор и все занятые на производстве рабочие и служащие не могли пользоваться никакими видами бесплатного довольствия.

При сдаче предприятий в аренду предпочтение отдавалось рабочим этого предприятия. Так, уездные СНХ, сдавая в аренду мельницы, отмечали, что лучшими арендаторами станут мельничные рабочие, так как они хорошо знают производство. Рабочим предлагалось в обязательном порядке при помощи УСНХ создавать кооперативные артели или товарищества. Другой группой арендаторов, которые рассматривались местными органами, были прежние владельцы, изъявившие желание стать арендаторами [9]. Постепенно основными арендаторами становились частники. Подобная ситуация объяснялась неплатежеспособностью государственных и кооперативных предприятий, которые в 1922 г. оказались самыми крупными задолжниками [10]. А частники аккуратно вносили причитающуюся с них арендную плату, пополняя тем самым местный бюджет. Поэтому местные органы в 1922/23 хозяйственном году в поисках новых источников пополнения бюджета охотно отдавали предприятия частникам.

Аренда на Южном Урале, как и в стране в целом, приживалась очень сложно [11]. Первое предприятие на Урале было сдано в аренду 31 августа 1921 г. [12]. По Челябинской губернии планировалось сдать к концу 1921 г. 189 предприятий, фактически же было сдано всего 7 [13]. По Уфимскому ГСНХ – 81 предприятие из 501 [14].

Летом 1922 г. ВСНХ отмечал, что темпы арендной кампании к концу 1921 г. стали замедляться [15]. Снижение темпов продолжалось и в последующие годы. Как отмечал Председатель Президиума ВСНХ П.А. Богданов, надежда на то, что значительная часть промышленности, которую государство поддерживать не в силах, перейдет в частные руки, не оправдалась [16]. Причин тому было несколько.

Во-первых, это излишняя регламентация и слабая правовая база. Нормативно-правовых актов, защищающих интересы арендаторов,

фактически не было. Единственным документом, защищающим их права, можно назвать постановление ВЦИК от 26 августа 1921 г., которое запрещало местным хозяйственным органам в одностороннем порядке расторгать договоры с арендаторами, проводить конфискации и реквизиции, но, как показывает практика, нарушения на местах были постоянными. Арендаторам часто приходилось обращаться в областные и центральные хозяйственные органы для защиты собственных прав и интересов [17]. Несмотря на попытку ВСНХ защитить интересы арендаторов, в законодательстве страны предусматривались «лазейки» для произвола по отношению к арендаторам. Так, например, в постановлениях как местных, так и центральных органов власти оговаривалось, что если арендатор не сможет обеспечить «целостность и сохранность принятого им имущества», то он несет уголовную ответственность, сопровождающуюся лишением свободы и конфискацией имущества [18].

Во-вторых, отсутствие разработанного механизма кредитования арендных предприятий. Государство стремилось ограничить привлечение как государственного, так и частного капитала в арендную промышленность, так как она, ориентированная на рынок, могла составить серьезную конкуренцию государственным предприятиям. Этого власть допустить не могла.

В-третьих, это большое количество налогов и сборов, которыми облагались арендные предприятия. При подписании договора аренды был специальный пункт, в котором отмечалось, что арендатор «обязан выплачивать как все существующие на момент подписания договора налоги, пошлины и сборы, так и все, которые могут появиться» [19]. В результате многие предприятия разорялись, не выдержав налогового бремени. Государство пыталось облегчить положение арендаторов через предоставление налоговых льгот тем, кто возьмет в аренду разрушенные, технически слабо оснащенные предприятия и пустит их в ход. Но, в это же время государство устанавливало небольшой срок аренды и обязанность арендатора по истечении срока возвращать эти предприятия государству в исправном виде, то есть государство рассчитывало участвовать в получении чистой прибыли. Для большинства частных арендаторов это условие было неприемлемым, так как большими оборотными средствами они не обладали, и выполнить требуемые условия о поднятии убыточного производства они не могли, поэтому многие отказывались от аренды на таких условиях.

В-четвертых, законодательство даже не рассматривало варианты передачи арендного договора по наследству и права постепенного выкупа арендуемого предприятия, то есть не было материальной заинтересованности арендаторов.

Таким образом, к концу 1922 – началу 1923 г. в стране не было и не могло быть всемерной государственной поддержки и продуманной государственной политики в отношении аренды, так как государство просто не ставило перед собой такой цели. Аренда, которая должна была создать условия для выхода мелкой и средней промышленности из послевоенного кризиса, свои задачи выполняла и стала ненужной и даже опасной для власти, так как могла стать одним из базовых элементов рыночной экономики. Государство, даже в условиях экономического эксперимента, не ставило перед собой задачи создания свободного рынка.

Примечания:

1. См.: Народное хозяйство. 1921. №11-12. С.238; РГАЭ. Ф.4372. Оп.9. Д.2. Л.75.

2. Богданов П. О новой экономической политике //Новая экономическая политика. Вып.3. Казань. 1921. С.13.
3. См.: ОГАЧО. Ф.Р-131. Оп.1. Д.29. Л.65-66: Советская правда. 1921. 19 августа.
4. См.: Законы о частном капитале. М. 1928. С.196-201.
5. См.: ОГАЧО. Ф.Р-131. Оп.1. Д.29. Л. 5.
6. См.: РГАЭ. Ф.3429. Оп.1. Д.3142. Л.43-44.
7. См.: там же. Л.6.
8. См.: там же. Л-7.
9. См.: там же. Л.15.
10. См.: ЦДООСО. Ф.1494. Оп. 1. Д.241. Л. 12об.
11. См.: Плотицкий В.А. Партийные организации Урала в борьбе за восстановление народного хозяйства (1921 – 1925) //Социалистическое строительство на Урале. Свердловск. 1957. С.19-20.
12. См.: ГАСО. Ф.Р-95. Оп.1. Д. 525. Л.120.
13. См.: ОГАЧО. Ф.Р-131. Оп.1. Д.29. Л. 3.
14. См.: Шафикова А.В. Первые годы работы промышленности Башкирии в условиях НЭПа //Башкортостан в первой половине XX века: малоизвестные страницы истории: Сб. научных трудов. Уфа. 1997. С.69 – 70.
15. РГАЭ. Ф.3429. Оп.1. Д.3143. Л.40.
16. Богданов П. Некоторые итоги работы ВСНХ //Народное хозяйство. 1922. №5. С.10.
17. РГАЭ. Ф.3429. Оп.1. Д.3143. Л.41.
18. См.: ОГАЧО. Ф.Р-131. Оп.1. Д.29. Л.66: Законы о частном капитале. М.,1928. С.333.
19. См.: ОГАЧО. Ф.Р-131. Оп.1. Д.29. Л.65.

Б.П. Дементьев
Пермь

АРСЕНАЛ ПОБЕДЫ: УРАЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны Урал поистине явился главным хребтом обороны и арсеналом Победы. Из 1523 промышленных предприятий, эвакуированных в течение войны, на Урале разместились 703 [1]. Около 2 млн. сыновей и дочерей Урала ушло на фронт [2]. Уход в армию сотен тысяч квалифицированных рабочих вызвал на предприятиях огромную нехватку рабочих рук. Исправить положение призвано было производственно-техническое обучение. Училищами и школами ФЗО Урала за годы войны было подготовлено 459,3 тыс. чел., или шестая часть от общесоюзного выпуска трудовых резервов [3].

Эффективным средством повышения уровня производства являлось соревнование. Трудовые коллективы Урала в течение всей войны занимали первые или классные (призовые) места во Всесоюзном соревновании. Только труженики Пермской области 981 раз получали призовые места, в том числе 387 раз — первые. Около 100 Красных знамен по окончании войны были оставлены уральцам на вечное хранение.

Суровые испытания в годы войны выпали на долю деревни, сельского хозяйства. Резко уменьшилось количество рабочей силы, снизилась механизация сельскохозяйственных работ. На производство пришли подростки и старики, место мужчин занимали женщины. И тем не менее Урал за годы войны дал свыше 700 млн. пудов (12 млн. тонн) хлеба [4].

Забота, внимание к защитникам Родины поднимали их боевой дух. Более 1200 посланцев Урала за годы войны стали Героями Советского Союза (9 чел. — дважды), свыше 200 — полными кавалерами ордена Славы [5].

Урал давал около половины артиллерийских орудий и минометов, более 2/3 танков (60% средних и 100% тяжелых). Труженики Урала произвели танков и САУ больше, чем вся Германия вместе с оккупированными странами. Урал давал свыше половины всех боеприпасов, производившихся в стране. Каждый второй снаряд, выпущенный по врагу, был изготовлен из уральской стали. Не было такого